

По поводу замѣтки о разныхъ курсахъ для учащихся въ церковныхъ школахъ.

Трудно понять, что именно отрицаетъ анонимный авторъ замѣтки: ¹⁾ Рождественскую-ли елку вообще или пляску, карты, выпивку кругомъ елки. Отрицаетъ-ли онъ курсы для учащихся вообще или только принудительное командированіе на эти курсы?..

Чѣмъ могла прогнѣвить автора „Рождественская елка“ —этотъ въ высшей степени симпатичный дѣтскій праздникъ?.. Что можно видѣть

¹⁾ Школьный Листокъ № 10.

отрицательнаго въ томъ дѣтскомъ восторгѣ, который наблюдается въ дѣтяхъ при видѣ разукрашеннаго, сіяющаго огнями деревца, посвященнаго Новорожденному Спасителю Мира? Что худого въ той дѣтской радости, которую наблюдаешь въ дѣтяхъ при видѣ подарковъ, полученныхъ отъ имени Новорожденнаго?

Едвали эти чистыя, младенческія радости могутъ быть противны Предвѣчному Богомладенцу, Который всю земную жизнь никогда и нигдѣ не отрицалъ радости, не запрещалъ веселія—входя на бракъ, возлежа на вечерахъ.

Авторъ замѣтки говоритъ о винѣ, картахъ, пляскѣ въ присядку, которые кой гдѣ устраиваются кругомъ елки, но авторъ забываетъ, что все это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ чистой идеѣ „Рождественской елки“.

Извратить, опошлить можно все, что угодно. Виновата ли „елка“ въ томъ, что нѣкоторые господа берутся за нее нечистыми руками и извращаютъ ее своими опошленными вкусами, ища вездѣ и всюду предлога напиться, побезобразить, покартежничать...

Есть небольшая книжка „Ксензы — безбрачные руководители женщинъ“. Авторъ этой книги, сложившій санъ ксензь, съ ужасомъ рассказываетъ о томъ, во что обращена исповѣдь нѣкоторыми ксензами, какъ и для чего они ею пользуются.

Если вѣрить автору, то тамъ творятся ужасныя вещи, исповѣдь извращена кощунственно, безбожно... Но мнѣ думается, что все эти извращенія, какъ бы ужасны они ни были, не даютъ автору книги ни малѣйшаго права отрицать самое таинство. Надѣюсь, что въ данномъ случаѣ со мной согласится и авторъ замѣтки.

Принудительное командированіе на курсы, если оно практикуется, мало кто будетъ оправдывать. Плохая работа изъ подъ палки, плохой курсистъ будетъ изъ пріѣхавшаго на курсы противъ воли... Но едвали можно только по этому отрицать самые курсы, на которые (въ мое время по крайней мѣрѣ) учащіе ѣздили не только охотно, но даже добиваясь случая попасть на нихъ. Всякій разъ, кромѣ пріѣхавшихъ на казенный счетъ, многіе являлись „волонтерами“, т. е. пріѣзжали на свой счетъ, и дѣятельно участвовали на этихъ курсахъ.

Самъ я былъ на трехъ хурсахъ: въ Тобольскѣ, въ Казани, и въ дер. Зырянской и мнѣ до сихъ поръ никогда и въ голову не приходило, что время, проведенное на курсахъ, у меня пропало даромъ или даже принесло мнѣ вредъ.

Учасъ въ духовной семинаріи, я никогда не думалъ сдѣлаться учителемъ и педагогикой не интересовался. Выброшенный за бортъ семинарскаго корабля я, какъ горе-богатырь, остановился при распутии трехъ дорогъ: въ приказные, въ учителя, въ омутъ!..

Я пошелъ по средней не потому, что чувствовалъ къ ней тяготѣніе, а только потому, что первая мнѣ была отвратительна, а о третьей думалось, что она никогда не уйдетъ.

Школа на счастье, мнѣ попалась маленькая, въ 10 человекъ, но и въ ней я не зналъ, какъ ступить, какъ слово молвить.

Слыхалъ я, что какой то иностранецъ изобрѣлъ звуковой методъ, но о томъ, что это за методъ, какъ за него взяться, какъ имъ пользоваться, я могъ только предполагать, догадываться. Самъ я учился еще букво-слагательнымъ способомъ и то безъ всякой системы, играючи съ матерью и тетками.

Схватился я за методики, руководства, но и тутъ бѣда: привычки не было ни какой. Сухой, научный языкъ этихъ методикъ, испещренный незнакомыми мнѣ педагогическими терминами, говорящій вскользь, не ясно о элементарныхъ приемахъ, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, былъ для меня мало понятенъ и почти непосильно труденъ. Приходилось двигаться тише черепахи, а время не ждало, нужно было работать, а не учиться работѣ.

Впопыхахъ я бросилъ одну методику, хватился за другую и видѣлъ, что новая старую почти исключаетъ. Способы, о которыхъ я только что прочиталъ, или сильно критикуются, или отрицаются. И я запутался окончательно: или плачь, или бѣги изъ школы. Въ головѣ получался какой то хаосъ, а въ дѣлѣ и того тошнѣе...

Помнится, что разложить слово на слоги я кой какъ смогъ, но разложить слогъ на звуки у меня не хватало ни умѣнія, ни терпѣнія. И я махнувъ рукой на разложеніе прямо перешолъ ко сліянію звуковъ.

Теперь и не упомяну, какъ у меня вышло, что я, пытаюсь начать сліяніе звуковъ и называя буквы по звуку, сдѣлалъ очень крупное позаимствование у способа буквослагательнаго.

Въ буквослагательномъ способѣ дѣло дѣлается такъ: учитель просто говоритъ ученикамъ, что „бе“ да „а“ будетъ „ба“, „ве“ да „а“ будетъ „ва“, дѣйствуетъ только на механическую память ученика. Ученикъ, хоть и съ трудомъ, запоминаетъ, что двѣ буквы, стоящіе рядомъ, нужно произносить такъ („ба“, „ва“ и т. д.), а не иначе.

Я же сліяніе звуковъ началъ такъ: „б“ да „а“ и пытался доказать моимъ итенцамъ, что эта примудрая комбинація должна слиться въ „ба“ и терялъ голову, почему у школяровъ получается не „ба“, а „бдаа“, или „в“ да „а“ не „ва“, а „вдаа“. И никакъ не могъ понять или замѣтить, что позаимствованная частица „да“ играетъ роль тормазы.

Тоже самое случилось съ письмомъ, со счетомъ, только одинъ

законъ Божій мало-мало шолъ, да и то, исключительно, благодаря моей врожденной способности рассказывать.

Пріѣхалъ уѣздный наблюдатель. Я къ нему чуть не со слезами, а онъ развелъ руками и чистосердечно сознался, что и самъ то онъ еще мелко плаваетъ. Дѣло новое, постойте, говоритъ, лѣтомъ будутъ курсы-будемъ вмѣстѣ учиться.

Пришло лѣто, пришли и курсы. Съѣхалось насъ человекъ около ста и, правя, большинство ни чуть не лучше меня грѣшнаго. Огслужили молебень, собрали маленькую временную школу и начали...

Первые образцово-показные уроки велъ Н. К. Головинъ. Умѣло, увѣренно взялся онъ за дѣло, опытный, знающій дѣло и выдавшій виды ма терьъ сказывался во всѣхъ его движеніяхъ, въ самыхъ малѣйшихъ, почти, неуловимыхъ мелочахъ.

Его уроки показались мнѣ верхомъ совершенства и я съ разинутымъ ртомъ слѣдилъ за ними. Эти уроки объясняли мнѣ непонятное, давали необходимую связь тѣмъ отрывкамъ знаній, которые я ухватилъ изъ книгъ и оживляли мертвечину этихъ книгъ.

Словомъ уроки Н. К. сыиграли для меня роль наглядной демонстраціи того, съ чѣмъ я былъ немного знакомъ изъ книгъ. Время шло. Н. К. смѣнили другіе учителя и учительницы, были изъ нихъ посредственности, были и очень талантливые люди. Начались вечернія засѣданія, на которыхъ мы разбирали, цѣнили, сравнивали данные тѣмъ или другимъ уроки. И во мнѣ проснулась способность къ критическому анализу видѣннаго и прочитаннаго. Мнѣ стало ясно, что и въ методѣ, котораго держался Н. К. есть и промахи и недостатки.

Къ концу курсовъ попробовалъ заговорить и я и это, кажется было причиной, что и мнѣ предложили дать урокъ. Кто помнитъ свое первое публичное выступленіе, тотъ пойметъ меня. Быть можетъ первый разъ въ жизни я почувствовалъ, что и у меня есть нервы. (Мнѣ тогда было 21 годъ) Обѣдать, балагурить съ товарищами и спать я не могъ...

Нервными, быстрыми шагами ходилъ я по корридору Тобольскаго д. училища, гдѣ помѣщались курсы, и сотый разъ обдумывалъ планъ и подробности завтрашняго урока. Учителя спали, только въ комнатахъ наблюдателей горѣлъ огонь, тамъ шло какое-то засѣданіе.

— Мы кажется волнуемся?.. услыхалъ я за собой голосъ смотрителя курсовъ.

— Да, боюсь завтра острамиться...

— Самолюбьице то у насъ, видимо, есть?..

— Имѣется и очень не маленькое, въ тонъ отвѣчалъ я.

— Недурно это, съ одной стороны, не дурно, ну, а урокъ вы придумали? Расскажите мнѣ какъ вы его дадите?

Я началъ рассказывать, онъ что то возразилъ и мы заспорили. Помнится, что говорилъ я очень горячо и чувствовалъ, что правда на моей сторонѣ...

— О! да мы значительно выросли, засмѣялся смотритель. Успокойтесь, идите спать, и будьте увѣрены, что не острамитесь.

Незнаю это ли увѣреніе, или то, что мнѣ удалось высказаться благотворно подѣйствовало на мои нервы.

Нераздѣваясь палъ я на койку и уснулъ, какъ убитый. Утромъ я не острамился.

Съ этихъ курсовъ я поѣхалъ въ школу съ 60 учениками и ѣхалъ охотно. Я понималъ, что учиться, читать мнѣ нужно еще очень много, но я чувствовалъ, что читать и учиться я буду не съ завязанными глазами, какъ до курсовъ.

Свящ. П. Александровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

По поводу замѣтки о разныхъ курсахъ для учащихся въ церковныхъ школахъ *).

На будущій годъ я самъ хлопоталъ о томъ, чтобы послали еще куда нибудь на курсы. Меня назначили въ Казань. Казанскіе курсы для меня были не такъ удачны. Около половины всего времени занимали лекціи пѣнія, на которыя мнѣ и ходить было не зачѣмъ, но и тамъ я увидѣлъ и послушалъ много полезнаго и интереснаго.

Лекціи по педагогикѣ и образцовые уроки въ начальной школѣ провелъ нѣкто Петлевъ—извѣстный въ Казанѣ педагогъ. Очень интересны были лекціи по физикѣ, школьной и общей гигиенѣ, которые читались въ физической аудиторіи университета. Читались лекціи по садоводству и полеводству.

*) См. № 15 Тоб. Епарх. Вѣд. за 1907 г.

Правда, все это читалось сжато, кратко, но очень интересно и право не бесполезно.

Особенно хорошо тутъ было то, что тутъ въ Казани насъ собралось около 150 человекъ, съ огромнаго района отъ Тобольска до Казани, отъ Астрахани до Нижняго Новгорода. Всѣ мы могли дѣлиться опытомъ и впечатлѣніями.. Чувствовалась товарищеская связь, чувствовалось, что мы солдаты той русской арміи, которой придется совершить еще очень и очень многое.

Курсы разнообразились экскурсіями на сельско-хозяйственную ферму, что около Казани и паломничествомъ въ Свѣяжскъ.

По приблизительному подсчету дорога въ Казань и обратно, содержаніе на курсахъ, плата лекторамъ и т. п. для меня стоили вѣдомству рублей 140—160. Не знаю, отработалъ ли я эти деньги какъ учитель, а потомъ и завѣдывающій церковными школами, но знаю то, что для меня самого стоитъ этихъ денегъ одно то, что я сибирякъ, не бывавшій нигдѣ далѣе Тобольска, побывалъ въ такомъ городѣ, какъ Казань. Здѣсь я имѣлъ возможность приложиться къ мощамъ Свв. Гурія, Германа и Варсанофія, видѣлъ архитектуру кремля, церквей, домовъ, осматривалъ городской и университетскіе музеи, обсерваторію, ботаническій садъ, сельско-хозяйственную ферму, памятники Александру II, Державину, Лобачевскому, башню Сумбеки, Братскую Могилу и т. д... Вотъ приблизительно, на сколько помню, тѣ впечатлѣнія, какія я самъ вынесъ отъ курсовъ.

Тоже самое приходилось мнѣ наблюдать и надъ моими товарищами по курсамъ. Года четыре тому назадъ мнѣ выпала неприятная обязанность написать некрологъ объ одномъ бывшемъ курсистѣ нѣкоемъ Архиповѣ. Это былъ человекъ, получившій образованіе въ Устьламенской сельскомъ одноклассномъ училищѣ.

Я писалъ о немъ, что я видѣлъ, какъ въ началѣ однихъ курсовъ онъ жадно слѣдилъ за работой одной изъ учительницъ, проведенной нѣсколько уроковъ, что называется «на высшій баллъ». Припоминалъ и то, какъ въ концѣ этихъ курсовъ Архиповъ робко, неуверенно копировалъ ея работу въ своемъ пробномъ урокѣ. На старыя курсы, гдѣ я опять встрѣчалъ Архипова, я пріѣхалъ поздно и при мнѣ онъ давалъ послѣдній изъ назначенныхъ ему уроковъ. Тутъ я едва узналъ его, это былъ спокойный, увѣренный въ себѣ учитель, плавно, безъ большихъ промаховъ ведущій урокъ. Очевидно Архиповъ придумалъ и проработалъ въ своей школѣ все, что онъ видѣлъ и слышалъ на первыхъ курсахъ. Накопившіяся за годъ ошибки, промахи онъ успѣлъ замѣтить и исправить на этихъ вторыхъ курсахъ. Въ тому же сказывались пріобрѣтенная (до

нѣкоторой степени) привычка выступать публично. Приблизительно тоже можно сказать и о многихъ другихъ учителяхъ и учительницахъ, «выросшихъ» на курсахъ.

Итакъ по своему личному опыту и потому, что мнѣ приходилось наблюдать собственными глазами надъ другими я утверждаю, что курсы для нашего брата нужны обязательно и много полезны.

Теперь поговоримъ о тѣхъ учителяхъ и учительницахъ, которые имѣютъ такое неотразимое доказательство своей пригодности къ учительскому дѣлу, какъ свидѣтельство на званіе домашней учительницы. Для этихъ дипломированныхъ учащихъ курсы, по мнѣнію автора замѣтки, почти не нужны.

Позволю себѣ и тутъ не согласиться съ его мнѣніемъ и вотъ почему: Во первыхъ, кому не извѣстно, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ средняго типа проходятся преподаваемые тамъ предметы. Какую конечную цѣль, во многихъ случаяхъ, имѣютъ ученики и учителя, изучая эти предметы?—Это экзамены. *)

Припомните, какъ готовятся ученики къ экзаменамъ, подписывая книжки, программы, конспекты, испрещрая надписями, чертяжами манжеты, подмѣчая билеты и т. д.

Среди учащихъ въ этихъ заведеніяхъ еще не окончательно вымеръ типъ Фонвизинскаго учителя латинскаго языка съ его четырьмя пуговицами на жилетѣ и пятью на камлотѣ.

Посмотрѣлъ я за тридцать лѣтъ моей службы въ сельской школѣ и этихъ дипломированныхъ учителей. Апломба, самоувѣренности у нихъ больше, но и то только въ началѣ, а столкнутся съ дѣломъ, не пройдетъ и мѣсяца, какъ мужчины начинаютъ вліться, называть учениковъ «дурачьемъ», «дубьемъ», «поголовными идиотами», а дѣвушки учительницы начинаютъ плакать.

Кромѣ того у дипломированныхъ учителей есть еще свой особый недугъ, недоучкамъ неизвѣстный. Недоучки, приступая къ дѣлу, часто рѣшительно ничего въ немъ несмыслить, но онъ хорошо знаетъ то, что ничего не знаетъ», хотя о Сократѣ, быть можетъ, и не слыхивалъ. Дипломированные же учителя, зная о Сократѣ, и очень мало, поверхно-

*) П. Мегафть въ его «Семейномъ воспитаніи ребенка и его значеніи» говоря на 84 и 85 стр. «Существующую въ настоящее время «педагогику» можно опредѣлить такимъ образомъ, что это есть предметъ, преподаваемый почти исключительно въ послѣднихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній и дающій матеріалъ для зубренія къ различнымъ установленнымъ тамъ репетиціямъ и экзаменамъ».

сно объ учительскомъ дѣлѣ, часто думаютъ, что они *все знаютъ* и *учиться имъ больше не зачѣмъ*. За примѣрами ходить на сторону не зачѣмъ, авторъ замѣтки говорить почти тоже.

Вотъ почему думается мнѣ, что курсы обязательно нужны и этимъ учителямъ, особенно они полезны будутъ критическимъ разборомъ данныхъ уроковъ. Тутъ вы встрѣтите сужденія о такихъ мелочахъ, о такихъ случайностяхъ, о которыхъ ни въ одной методикѣ вы отвѣта не найдете, т. е. никакая книга не замѣнитъ живой практики и практики десятковъ, а случается, и сотенъ людей. Этотъ критическій разборъ хорошо открываетъ глаза на личные промахи, недостатки, которые самому за собой замѣтить или трудно, или невозможно.

Приведу примѣръ. На однихъ изъ курсовъ образцовый урокъ о сомнительныхъ согласныхъ вызвалъ дать учитель русскаго языка въ одномъ изъ сравнительно привелигированныхъ учебныхъ заведеній, человекъ съ довольно крупнымъ дипломомъ.

Мы, конечно, поучиться рады. Пришли, когда предъ временной школой появился этотъ учитель, человекъ очень большого роста, съ роскошно развитой мускулатурой и грозно нахмуреннымъ челомъ. Начался урокъ. Я слышалъ сильные окрики, грозный стукъ о парту линейкой, видѣлъ слишкомъ энергичные жесты и движенія. Ребята испуганно жались и ничего не понимали. Между курсистами слышался смѣхъ.

Мой совѣдъ прошепталъ мнѣ «А не придется этого господина вязать?»

Урокъ тянулся 75 минутъ, но не только школяры, а и мы грѣшныя ровнехонько ничего изъ него не поняли.

Не удивляйтесь, ребяташки, говорилъ намъ одинъ изъ курсистовъ послѣ обѣда. Я проучился въ этомъ учебномъ заведеніи пять лѣтъ и перешелъ въ высшее. Тамъ мы всѣмъ классомъ подали первую работу по литературѣ. Преподаватель, возвращая намъ эту работу говорилъ: «Господа, гдѣ вы учились грамматикѣ? Кабакскія вывѣски пишутъ грамотнѣе, чѣмъ написана ваша работа».

Жаль, что этотъ господинъ мелькнулъ на нашихъ курсахъ какъ метеоръ, а ему слѣдовало бы походить на нихъ. Тогда бы ему точно, какъ $2 \times 2 = 4$, доказали бы, что гораздо лучше и для него, и для дѣла, если онъ уйдетъ въ гвардейскіе вахмистры или офицеры, цирковые атлеты, назидники, но за учительскимъ столомъ не его мѣсто.

Видалъ я и другого — этотъ былъ съ кандидатскимъ значкомъ на груди. Работалъ онъ усердно и давалъ по 52 перекзаменовки при 150 ученикахъ. Побывай онъ на курсахъ и ему стало бы ясно, что, если изъ

каждыхъ трехъ учениковъ одинъ не успѣваетъ, то это несомнѣнно доказываетъ, что данный учитель положительнo не пригожъ для учительскаго дѣла.

Мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что если бы между преподавателями средне-учебныхъ заведеній устраивались бы курсы или товарищескіе сѣзды, то между ними меньше было бы «людей въ фуклярахъ».

На курсахъ сельскаго хозяйства я не былъ, а потому и говорить о нихъ не буду. Но и тутъ по моему мнѣнію, авторъ замѣтки глубоко не правъ. Бесполезность курсовъ по этимъ предметамъ онъ доказываетъ суровостью нашей природы и трудностью борьбы съ ней. Доказательство обоюдоеострое. Мнѣ думается, что вотъ именно поэтому намъ и нужны такіе курсы, которые учатъ борьбѣ и побѣдѣ надъ нашей суровой природой. Побѣждать же нашу суровую природу необходимо не для насъ однихъ. Въ текущемъ году, на примѣръ, безъ нашей пшеницы во многихъ губерніяхъ благословенной Россіи пришлось бы очень круто.

Нельзя безъ улыбки читать о тѣхъ ужасахъ, которыми страшаетъ авторъ учительницъ, ихъ отцовъ и матерей и педагоговъ — руководителей.

Съ одной стороны сплошной ужасъ: мытарства, злые люди (не разбойники-ли?) плотоядныя очи, площадная брань на станкахъ, взглядъ на учительницу, какъ авантюристокъ, преутомленіе въ теченіи 8 мѣсяцовъ, надорванные груди, больныя голосовыя связки. Съ другой — сплошная идиллія: «слабыя созданія», просторъ дѣсовъ, полей, рѣкъ и озеръ, теплое родительское крылышко, цѣлительный отдыхъ... Даже досадно становится, когда читаешь этотъ наборъ жалкихъ словъ. И трудно понять, что это замаскированное оскорбленіе или участіе черезъ край?... Въдь по словамъ автора выходитъ, что учительницы слабыя, безпомощныя, словомъ жалкія созданія, при томъ держащія себя такъ, что ихъ принимаютъ за авантюристокъ, говоря по русски, за дѣвицу известнаго сорта. Наши учительницы, особенно изъ дочерей духовенства, ихъ матери и сестры съ десятилѣтняго возраста привыкаютъ путешествовать по нашей необъятной царкѣ, а потому и знаютъ, какъ оградить себя отъ «плотоядныхъ очей» и дорожныхъ неприяностей.

Онѣ обыкновенно собираются по возможности большими компаніями и весело беззаботно ѣдутъ. Разбойники же въ нашихъ мѣстахъ перевелись давнымъ-давно. Неприяности, конечно, бываютъ: пойдетъ дождь, встрѣтится пьяный мужикъ... 1) Но гдѣ же можно избѣжать такихъ неприяностей? . Даже крѣпко держась за маменькину юбку можно до истерики наугаться мыши, пауза и прочихъ «ужасовъ».

1) А дома — въ своихъ селахъ пьяныхъ нѣтъ и ругани не слышно?

Опасность отъ «плотоядныхъ очей» есть, но не по дорогѣ на курсы главнымъ образомъ, а дома, особенно, если учительница одинока. Эти «плотоядные очи» слишкомъ многочисленны и ходятъ онѣ нерѣдко въ мундирахъ врачей, судебныхъ слѣдователей, крестьянскихъ начальниковъ, школьныхъ попечителей и т. д. Горе учительницѣ, какъ и всякой другой женщинѣ или дѣвушкѣ, если она съ этой стороны постоять за себя не умѣетъ...²⁾

Книги по педагогикѣ, сельскому хозяйству, пчеловодству, конечно, въ школьныхъ библіотекахъ весьма желательны, но курсовъ онѣ никогда не замѣняютъ. Безъ трупа нельзя изучить анатомію, безъ наглядной, всесторонней демонстраціи приемовъ обученія нельзя не только учить въ педагогикѣ, но нельзя держаться на высотѣ послѣдняго слова этой науки.

Великую книгу, всякій методъ можно понять крайне своеобразно и при своей единоличной практикѣ извратить до неузнаваемости.

Я знавалъ одну учительницу, которая заключила, что Ушинскій (сторонникъ оживленнаго, радостнаго обученія) совѣтуетъ смѣшать учениковъ, стала ломаться предъ ними, какъ цирковый клоунъ. Ребята у ней въ школѣ сидѣли не живо и весело работая, а дура и безобразничая вовсю. Такъ что въ концѣ и они не выдерживали и Ушинскій смѣнялся домостроемъ Силивестра, пускались въ ходъ линейки и другія осязательныя внушенія.

Итакъ, по моему мнѣнію, совѣтъ автора взять тѣ деньги, которыя тратятся на курсы и выписать на нихъ книгъ — мудрость знаменитаго Тришка, который «на четверть обрѣзалъ рукава и локти заплатилъ».

Относительно больныхъ грудью и горломъ можно сказать только то, что едвали ктонибудь будетъ посылать ихъ на курсы. Здоровой же сельской интеллигенціи право невредно мѣсяць или полтора прожить въ городѣ и обновится тамъ культурно, какъ горожане обновляются у насъ физически.

Священникъ *Павелъ Александровъ*.

Жаль, что эта статья господина Александрова не была опубликована в журнале «Образование» за 1905 г. в мартовской книжке есть статья Арцыбашева «Ужасъ». У Салтыкова Щедрина «Учительница».

²⁾ Смотр. въ «Образованіи» за 1905 г. въ мартовской книжкѣ есть статья Арцыбашева «Ужасъ». У Салтыкова Щедрина «Учительница».

Ушинскій онъ и въ рѣчь и въ дѣло — въ своемъ селѣ въ рѣчь и въ дѣло — въ своемъ селѣ (1)